

РЕЦЕНЗИИ

*В. М. СОЛОВЬЕВ**

СВОБОДНО МЫСЛЯЩИЙ

О книге Ж. В. НИКОЛАЕВОЙ, А. Е. РЫБАСА, В. В. САВЧУКА «ФЕОФАН ГРЕК — ЗЕЛО ХИТРЫЙ ФИЛОСОФ»: ТРИОГРАФИЯ. СПб.: АКАДЕМИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ КУЛЬТУРЫ, 2019. — 234 с.

Есть ли связь между презентацией альбома «Нейромонах Феофан» и небольшой книжечкой «Феофан Грек — зело хитрый философ»? Да, безусловно, есть. Это время и место: 2019 год, Санкт-Петербург. Тут смыкаются музыкальный проект, знакомящий широкую аудиторию с исполнением музыки, стилизованной под «древнерусский» драм-н-бэйс, и камерное событие интеллектуальной жизни — прочтение современными учеными-философами художественного наследия знаменитого изографа XIV века как послания потомкам и артефакта философского содержания.

Казалось бы, продукт массовой культуры, в одном случае, и академическое исследование, в другом, по определению не могут являть единство цели и идеи. Однако на самом деле каждое из них по отдельности и они вместе компенсируют актуальный запрос на приобщение к картине мира наших предков. Естественно, создателями музыкального проекта «Нейромонах Феофан» эта потребность удовлетворяется в шоу-формате и удобно встраивается в городские народные гулянья с приданием массовке соответствующих костюмных атрибутов (лапти, онучи, косоворотки, сарафаны) и сопровождается энергичной артикуляцией в песенных текстах славянизмами, речевыми архаизмами

* *Соловьев Владимир Михайлович*, доктор исторических наук, профессор Московского государственного лингвистического университета, ассоциированный научный сотрудник Социологического института РАН.

и распевным вокалом с характерным оканьем, а диалог древнерусской и современной культур обеспечивают балалайка и драм-н-бэйсовские биты.

У авторского трио, подготовившего в рамках научной работы в питерской Академии исследования культуры монографию о Феофане, разумеется, задача другая: раскодировать, сделать доступным пониманию современного человека заключенное в строгую форму иконописи и фресок мышление образам, опирающееся на мифопоэтическую форму достоверности.

То, что профессиональные философы взялись за толкование творений Феофана, не неожиданность. Как говорится, не они первые, не они последнее. Приведенная ими мотивация обращения к работам знаменитого иконописца и мастера фрески не вызывает возражений и сформулирована коротко и внятно: «Никакая культура... не может обходиться без философского осмысления важнейших вопросов, и древнерусская культура не является здесь исключением»¹.

Свой труд авторы обозначают непривычным словом «триография», но оно представляется более чем подходящим и уместным, ибо то, что обещано во Введении, далее подтверждено последующим содержанием: трое ученых объединены и вдохновлены общностью предмета исследования, хотя каждый из них сохраняет свой собственный взгляд, использует свои подходы и избирает свой путь к общему для всей книги выводу — «творчество Феофана Грека трактуется как философское высказывание»².

Не так уж редко бывает, что в каком-то тематическом сборнике или коллективной монографии отсутствует единство освещения ключевых вопросов и кардинальных проблем, в результате чего распадается и цельность издания. Сразу хотелось бы отметить, что с рецензируемой триографией так не произошло. Напротив, Ж. В. Николаева, А. Е. Рыбас и В. В. Савчук выступили как одна команда, прекрасно взаимодействуя между собой и дополняя друг друга. Важно, что они именно соавторы-единомышленники и у них нет разнобоя в концептуальном понимании и восприятии того, как приоткрывает Феофан Грек магическое окно в мир инобытия. Вспомним, что в переводе с греческого икона — это образ, изображение, но с важной оговоркой: не просто картинка, а видимое изображение невидимого — вечного, идеального, недоступного обыденному житейскому взору, но открытого для духовного созерцания. Горний мир как мир космический, возвышенный, чистый умопостижаем, но не может быть познан человеческими чувствами.

Полное взаимопонимание маленького авторского коллектива проявилось, в частности, в том, как дружно и совместно преодолена одна из главных трудностей при исследовании истории русской философии: опасность зайти в тупик, доверяя *слову* текстов, вместо того чтобы обратить внимание на их *дух*. Соавторы исходят из того, что «древнерусская философская мысль тем и интересна, что она существует в неявной форме, не оперирует специальной терминологией и вообще не допускает применения к себе общепринятого в древнерусской культуре термина “философия”»³.

Как сложные символы, икона и фреска неизменно вызывали интерес философов, и только что вышедшая книга о Феофане вносит существенный вклад в историографию проблемы, убедительно доказывая, что «в Древней Руси философская мысль присутствует вовсе не там, где имеются соответствующие маркеры типа термина “философ”. И более того: как раз там, где выставлены эти маркеры, нельзя обнаружить даже следов философской рефлексии»⁴.

Нельзя не остановиться на таком тонком, но принципиально важном моменте, как языковая реальность. Наш теперешний словарь и словарь XIV века — это две совершенно разные вещи. Скажем, слово «жизнь» в древнерусском речевом обиходе не использовалось — вместо него был «живот», равно как не было в бытовом употреблении слова «наследство», зато было «задница» — имущество, которое осталось после смерти человека. Точно так же церковнославянское слово «философия» принадлежало к разряду книжных и известных посвященным вроде Епифания Премудрого и во многом напоминало какую-нибудь нынешнюю социолектную лексическую единицу замкнутой профессиональной группы, далеко не всегда понятную основной народной массе.

В то же время, было бы ошибочным считать, что философия в Древней Руси была уделом только высоколбой элиты из церковников и книжников. С одной стороны, нельзя не согласиться с тем, что «до XVIII века на Руси философов не было — если понимать под словом “философ” человека, свободно и самостоятельно мыслящего, а также отстаивающего свои взгляды в форме учения или философской системы»⁵. Однако, с другой стороны, «нельзя не заметить, что древнерусские сочинения пестрят рассказами о философах, об их деяниях и даже о состязаниях в мудрости, причем деяния эти, как правило, трактуется как важнейшие события, определяющие историческую

судьбу государства или помогающие сохранить чистоту веры»⁶. В неоднократно цитируемой в триографии работе М. Н. Громова «Образы философов в Древней Руси» приведена богатая информация как о реально существовавших мыслителях, так и о бытовавших в древнерусской среде представлениях о мыслителях, философах, мудрецах⁷. Во всех трех частях рецензируемой книги развернуто показано, что философия в Древней Руси существовала не как наука, а как образ мышления.

Добавим к этому, что в подтверждение сказанного обширный материал предоставляет такой яркий и оригинальный памятник отечественной культуры, как берестяные грамоты. Кстати, они своими афористичными сентенциями не уступают пословицам и поговоркам и пока не исследованы как кладезь речевого обобщения народного опыта. Между тем, из «Послания Иосифа Волоцкого» известно, что даже славившийся высоким умом преподаватель Сергей Радонежский по причине дороговизны пергамента писал на бересте. Вдвойне интересно, что в Великом Новгороде — городе, где оставил свои росписи Феофан, — носительницами отнюдь не убогой народно-бытовой философии были женщины. Как известно, по уровню грамотности древние новгородки не только не уступали флорентийкам, но даже в чем-то их превосходили. Поэтому неудивительно, что в одной из новгородских грамот молодая женщина в эпистолярной форме вполне философски отражает свою историю любви. В письме к пренебрегающему ею возлюбленному она упрекает его в том, что трижды призывала его к ней прийти, но результата не последовало. «Что за зло ты против меня имеешь, что в эту неделю ко мне не приходил?» — спрашивает женщина и напоминает, что относилась к нему, как к брату. Она не чувствует за собой никакой вины и пытается разобраться, не обидела ли она чем любимого, не задела ли его самолюбия. Придя к выводу, что дело не в ней, а в нём, молодка с горечью понимает: мужчина, которого она считала своим суженым, больше не хочет поддерживать с ней отношения. По-видимому, его чувства остыли, и она догадывается об этом: «А тебе, я вижу, не любо. Если бы сие было любо, ты бы вырвался из-под двадцати глаз и пришел. Если даже я тебя по своему неразумию задела, если ты начнешь надо мной насмехаться, то пусть судит тебя Бог и моя худость». Как не согласиться с исследователем этой грамоты В. Л. Яниным в том, что русская женщина незапамятно давних времен, дабы наказать обидчика, этически свободно ставит себя рядом с Богом. То есть, по её разумению,

он должен ответить перед Всевышним за то, что к ней охладел. Присловья «Чего хочет женщина, того хочет Бог» тогда, вероятно, ещё не было, но прекрасный пол им уже практически руководствовался. Приблизительно так же обстояло дело и с философией. Как неспециализированная форма освоения мира, она проявлялась в народной мудрости, здравом смысле, фокусирующем первичные сущности вещей и явлений повседневной жизни в обыденном мировоззрении, оценочных критериях рациональности мышления и действия и т. д.

Конечно, Феофан Грек не доморощенный философ, а глубокий мыслитель. В осознании значимости познаваемых вещей и явлений он поднимается гораздо выше среднего житейского уровня определения меры их адекватности расхожим потребностям и интересам. «Он не просто делает *зримыми* идеи исихазма, опосредующие его идентичность, — читаем в триографии, — но находит единственно возможный для него способ донести их новгородцам. Он прославился тем, что явил свое умозрение в скупых красках фресок, оттеняющих невероятную мощь графичности и исполненных движения, показывая, что мысль может быть обусловлена образами, действие — верой, вера — аскезой»⁸.

Если пользоваться «шкалой» Н. А. Хренова, то Феофан как тип личности, по-видимому, относится к группе лиминариев — гениальных одиночек, открепленных от занимаемого ранее места, обладающих амбивалентностью, не укладывающихся в рамки каких-либо классификаций состояния и положения в культурном пространстве. Лиминарий ориентирован на выход из сложившихся форм жизни и на переход в другие миры. Это вообще тип личности «утописта, обращенного к трансцендентному и сверхчувственному»⁹.

Драматургия «святого ремесла» Феофана раскрывается в книге органично, без нажима, причем соавторы тщательно избегают модернизации и дистанцируются от анахронизма. Привлекают строгость, выверенность и вдумчивость формулировок и комментариев, которые, надо думать, не останутся незамеченными, войдут в научный оборот и достойно дополнят лучшие образцы современной гуманитарной литературы РФ. Так, очень точной и выразительной представляется вербальная презентация творчества Феофана как художника-мыслителя: «Его искусство... создавало невиданные прежде образы, которые не сразу давались привычным способам самоопределения. Они были грамматикой внутренних состояний: двигаясь взглядом от одного образа к другому (которые можно прочесть как сгустки интенсивности

проживания), пришедший в храм со временем замечал, как пульсация внимания от образа к образу замирала, открывая Священную историю. Образы — это не черный ящик между “Я” и образом “Я”; скорее, это новый способ почувствовать себя нерасторжимым с другими»¹⁰. Понимание художественного мира Феофана не замыкается развитием мысли о сверхчувственных образах, а соизмерено с акцентированным вниманием к предметному миру и «реальным присутствием нетварного Божественного Света»¹¹.

Наверное, главный секрет гения Феофана — это его невероятная художественная свобода. Тому, как соотносятся «детерминированность» и «свобода» в условном пространстве образных смысловых структур и их материального воплощения изографом, посвящена вторая часть книги. Наиболее сложной, но оптимально реализованной задачей здесь стал анализ дерзостного совмещения живописцем индивидуального универсализма византийского периода и новообретенного, выбивавшегося из схем и канонов «русского почерка» с характерным наращиванием темперамента и «напряженным психологизмом». Эта броская стилистическая особенность ранее отсутствовала и, согласно триографии, сформировалась у уже зрелого мастера именно на русской почве в результате его знакомства с русскими обычаями, верованиями, художественными традициями. Иначе говоря, творческие новации Феофана Грека — это результат влияния на его мировоззрение, художественный вкус, технику и стиль работы русской культуры¹². Несмотря на то, что вопрос об авторстве одной из самых прекрасных русских икон — «Богоматери Донской» — остается открытым, в пользу того, что она создана не кем-нибудь, а именно Феофаном, как раз и свидетельствует подчеркнутое следование мастера за классической в Древней Руси иконографией Елеусы, заданной всенародно почитаемой святыней — «Богоматерью Владимирской»¹³.

Третья часть книги «Сомнения и озарения» завершает философское прочтение работ Феофана и предлагает хорошо обоснованную интерпретацию того, как могут философские идеи высказываться и передаваться посредством писания икон и фресок. Как именно? В результате синтеза двух практик: философской и изографической. Несущий стержень триографии — попытка «по-новому раскрыть творения Феофана в их актуальности для современно-го, уже безвозвратно секуляризированного человека»¹⁴. Сила и особая энергетика созданных византийским мастером образов — в сплаве вечного, неотмирного, богооткровенного и реального, предметного, обращенного здесь

и сейчас к конкретным людям. В творениях Феофана русский человек распознал победившую Истину и принимал его философию как правду жизни¹⁵. Не это ли приближает жившего семь столетий назад творца ко дню сегодняшнему, когда экран постоянно искажает субъективизацию действия и подменяет объективный показ чего бы то ни было заданно-постановочной и визуально сочной таблоидной фальсификацией? Рецензент разделяет точку зрения, что «Феофан Грек — художник — был прежде всего философом, искавшим и нашедшим оптимальный способ выражения своих мыслей»¹⁶.

Не всё в книге подлежит восхвалению и одобрению, и в моем рецензентском колчане достаточно критических стрел. Однако ограничусь четырьмя замечаниями, потому что прочие, полагаю, посягают на священное авторское право по-своему трактовать через искусство трансцендентальное и имманентное.

Первый спорный момент, на котором, не настаивая, впрочем, на собственной правоте, заострил бы внимание как рецензент, — это осторожно высказанная паритетность литературо- и образоцентричности в философии Древней и начального периода Московской Руси¹⁷. Представляется всё-таки, что вплоть до XVII века в русской культуре преобладал образоцентризм, а приоритет литературы реально заявил о себе позднее.

Второе упущение — отсутствие в конце издания краткого списка литературы. Понятно, что её, как говорится, море-океан, но подбор базовых названий явно бы не помешал, тем более что почему-то не упомянутые работы А. Ф. Замалеева¹⁸ и Н. А. Хренова не выпадают из соавторского видения проблемы, не оппонировать ему и вносят свою лепту в толкование особенностей русского типа мыслей.

Третье обстоятельство, которое несколько портит общее впечатление, — это невстроенность в текст зрительного ряда. Разумеется, невелик труд отыскать нужную иллюстрацию, но читателю всё же удобнее, когда всё наглядно и под рукой.

И, наконец, последнее. Понятно, что в триографии превалирует философская составляющая, но это вовсе не означает, что ни в аннотации, ни в самой книге нет нужды хотя бы информативно сообщить об ее несомненно культурологическом характере. Иначе получается, что соавторы готовы выделять искусствоведческий, теологический, лингвистический аспекты своего труда, рассматривать фигуру главного героя в историческом и психологическом контекстах, но культурологический ракурс для них настолько маргинален

и второстепенен, что в заявленном реестре междисциплинарного подхода даже не обозначен.

При скромном объеме (234 стр. при формате бумаги 70×100¹/₃₂) книга о Феофане Греке столь мыслительно креативна, что порождает при чтении встречный поток соображений, рассуждений, гипотез, и это верный признак того, что работа состоялась и что она успешна по исполнению.

Соавторами продемонстрирована вся конструктивность примененного в книге комплексного подхода к исследованию, во-первых, живописных произведений мастера как текстов культуры, во-вторых, выразительных средств, к которым прибегает изограф.

На вопрос, чем сегодня неудержимо притягивает нас, людей XXI века, Феофан Грек, в триографии дан многозначный ответ: «Феофан делал видимым весь комплекс, составляющий содержание христианского логоса с учетом местной традиции: тождества образа и мысли, жеста и слова, тела и языка, красоты храма и истины. Фрески Феофана являют собой строгую форму демонстрации христианских заповедей в модусе мышления образами, опирающегося на мифопоэтическую форму достоверности. Феофан Грек — это философ, мыслящий образами»¹⁹. Эта емкая концовка в последнем абзаце книги — как бы приглашение, опираясь на прочитанное, продолжить размышления. И как не отметить, что «Феофан Грек — зело хитрый философ» помогает совершить нечто вроде омовения ума в водах чистого и благотворного источника, очиститься от мутной, липкой и всепроникающей слизи примелькавшихся продуктов экранной культуры. Если хотите дать отдых замученному непрерывным вбросом информационного мусора и издержками культурного ширпотреба мозгу, то у вас есть шанс. Триография поможет абстрагироваться от навязчивых реалий нашего постиндустриального феодализма и погрузиться в свободный от электронных технологий и честный мир русского Средневековья.

В общем, любителей интеллектуальной литературы non fiction ждет приятный сюрприз.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Николаева Ж. В., Рыбас А. Е., Савчук В. В. Феофан Грек — зело хитрый философ: Триография. СПб.: Академия исследования культуры, 2019. С. 179.

² Там же. С. 12.

- ³ Там же. С. 179–180.
- ⁴ Там же. С. 179.
- ⁵ Там же. С. 163.
- ⁶ Там же.
- ⁷ *Громов М. Н.* Образы философов в Древней Руси. М.: ИФ РАН, 2010. С. 3.
- ⁸ *Николаева Ж. В., Рыбас А. Е., Савчук В. В.* Феофан Грек — зело хитрый философ... С. 22.
- ⁹ *Хренов Н. А.* Русский Протей. СПб.: Алетейя, 2007. С. 11.
- ¹⁰ *Николаева Ж. В., Рыбас А. Е., Савчук В. В.* Феофан Грек — зело хитрый философ... С. 23–24.
- ¹¹ Там же. С. 93.
- ¹² Там же. С. 143, 149.
- ¹³ *Соловьев В. М.* Феофан Грек / В. М. Соловьев. История и культура России: справочно-информационное пособие. В 6 ч. Ч. 6. М.; Берлин: Директ-Медиа, 2016. С. 22–23.
- ¹⁴ *Николаева Ж. В., Рыбас А. Е., Савчук В. В.* Феофан Грек — зело хитрый философ... С. 162.
- ¹⁵ Там же. С. 195.
- ¹⁶ Там же. С. 181.
- ¹⁷ Там же. С. 230.
- ¹⁸ *Замалеев А. Ф.* История русской культуры. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2005.
- ¹⁹ *Николаева Ж. В., Рыбас А. Е., Савчук В. В.* Феофан Грек — зело хитрый философ... С. 231.